

АЛЕКСАНДРА ГРУЗДЕВА

ДЕМОНЫ
ДОМА
ОГНЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г90

Серия «Суперпроза»

Серийное оформление и дизайн обложки Юлии Межовой

Груздева, Александра Олеговна

Г90 Демоны Дома Огня / Александра Груздева.— Москва:
Издательство АСТ, 2019.— 603, [2] с. — (Суперпроза).

ISBN 978-5-17-107049-6

Еще со времен Шумерского царства существует могущественная семья, заключившая договор с демонами и получившая от них власть и бессмертие. Но один из семьи совершил преступление, за что был изгнан и лишен дара. Что он ищет все то время, которое ему отпущено на Земле, и как ему может помочь странная девушка, встреченная им осенью 2003 года в Петербурге?

© Александра Груздева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Истинный рай — это потерянный рай.
Марсель Пруст. Обретенное время

Аттар из Нишапура посмотрел
на розу и сказал — почти неслышно,
как бы мечтая, а не говоря:
«Твой смутный мир в моих ладонях. Время
сминает и не замечает нас...»

Хорхе Луис Борхес. Unending rose

Если хочешь подняться на небо, прежде нужно войти в океан. Он отделяет небо от земли. Это Левиафан, дышащий приливами и отливами, говорящий на языке волн. Он может свернуть тебе шею, может бросить на скалы, а может принять в себя, как колыбель принимает младенца. Он — Бездонный, Вечный, Терпеливый.

Мальчишка стоял на берегу океана, он не умел плавать. Скорее всего, он просто захлебнется в одной из волн этой дикой стихии. Теперь стоило лишь выбрать время: на закате, когда пустеет побережье. Ему не было места в этом мире. Даже монахи не захотели оставить его у себя.

— Уходи! — сказал ему Учитель.— Твое место не здесь.

— А где? Где мое место? — со слезами в голосе возмутился мальчик.— Знаете как надоедает, что нигде тебе нет места? Разрешите мне, по крайней мере, вернуться к вам,— добавил он тихо.

Учитель взглянул вдаль, туда, где он видел будущее, и ответил:

— Ты не вернешься.

В тот день, когда в монастырь пришел этот мальчишка, в час умственных упражнений Учитель предложил своим лучшим ученикам обсудить вот какую задачу:

— Пусть каждый из вас представит себя настоятелем монастыря. И вот в вашу дверь постучался демон. Впустите ли вы его?

— Настоящих демонов не существует,— тут же откликнулся Первый.— Ма-Чинг-Ла, йогиня XII столетия, говорила: лишь то, что мешает достижению просветления, и есть демон. Это может быть и любовь, и страстные отношения... Но величайший из демонов — вера в существование себя как независимого и вечного начала. Нужно разрушить эту привязанность к самому себе, иначе «демоны» так и будут то возносить тебя, то заставляя падать.

— Отменная у тебя память,— похвалил его Учитель.

— Демона нельзя пускать в монастырь,— заявил Второй.— Он вечно ищет место для аскетичной жизни, и неспроста, ведь во многих сказаниях говорится, что аскеза дает демону силу, которая позволит побеждать богов, управлять планетами, писать великие книги и стать родоначальником Учений.

— Но даже аскеза и плоды ее не заменят то, чего демон ждет и чего он жаждет,— продолжил Третий.— Ему нужна душа человека...

— Ради обретения души демон пойдет на любые жертвы,— подхватил Четвертый.— Но этого нельзя допустить. Демон — зло. Он воюет против добра. Любая религия это подтверждает.

— Поклон знатоку всех религий,— сдержанно улыбнулся Учитель.

— А знает ли демон, кто он? — робко спросил Пятый, и последний.— Вдруг он еще ничего не знает о добре и зле? Что-то ведь привело его в монастырь... Неужели можно отказать ему в том, чтобы он познал себя? Не берет ли в этом случае настоятель на себя роль судьбы, а может, даже и палача? А что бы вы сделали, Учитель?

— Впустил бы его. Ведь он постучался. А мог бы пройти мимо. Если стучат, делай то, что должно быть сделано,— открывай ворота.

Учитель наблюдал за мальчиком издалека. Тот старался. Но он не был обычным учеником и через какое-то время вполне мог бы претендовать на место Пятого, а затем и Первого. Учитель не сомневался: с таким упорством в занятиях мальчик может стать Лучшим учеником. Да что там... Лучшим из Лучших! Но знал он и то, что не включит нового послушника в круг своих приближенных.

Знает ли этот мальчик, как он одинок в этом мире? Знает ли, что подобных ему на Земле давно не осталось? А уж демоном ли его называть или еще как-нибудь... Это не более чем рамки для смущенного ума.

Мальчишка сидел на песке, провожая солнце и прощаясь с жизнью. Он понимал, что ему будет стоить большого труда войти в воду, и сейчас старался дышать глубоко и размеренно, чтобы унять черную тучу, которая разрасталась в груди. Может, он умрет от страха, а не от удушья? Все равно от чего умирать, лишь бы скорее. Не может он жить на свете, зная, что покушался на брата, что от него отреклась мать, что он убил отца...

Глава 1

АДА

У него было нездешнее имя — Ашер и впечатляющая внешность — будто лев обрел черты человека. Грива темных волос волной зачесана назад, взгляд жгучий, яростный, черные глаза порой раскалялись до кровавого огня. Он горел, он пылал. А нарочитый изгиб рта говорил о едкости натуры, о непобедимом жале сарказма, о смелости, о свободе. Он был как соленое солнце среди безжизненных и сморщенных мужчин.

Ада, словно загипнотизированная, пошла за ним. Можно ли было ему отказать? В полумраке автомобиля по его лицу скользили отсветы рекламы, тени ложились на скулы, сбивая настройку черт с благородных на заурядные, с прекрасных на уродливые. В тусклом свете парадной он вдруг показался ей развалиной, жутким стариком. И она было дернулась, чтобы убежать. Но тут Ашер начал подниматься по лестнице, и девушка, как привязанная, двинулась за ним.

Квартира встретила их зияющей черной пастью. Ада стояла посреди темноты, ожидая спасительной вспышки электричества. Когда же свет превратит сумрачный

фарс в обыденность, раздаст краски серым теням?! Но по-прежнему было темно... И сквозь тьму Ашер протягивал ей руку. Она уцепилась за палец, как за спасительный канат.

Ей редко приходилось испытывать настоящее влечение. Для Ады секс всегда был связан с неудобством, с болью, а иногда и с физическим отвращением. Но она принуждала себя, понукала — нельзя же совсем стать монашкой. И то, что ее потянуло к Ашеру, казалось чудом, теперь оставалось постараться получить удовольствие.

Задавленное, закиданное камнями, запретное желание начинало оживать, расправлять крылья — как лебедь, привыкший считать себя гадким утенком, но вдруг ощутивший свою стать с царственным изгибом шеи, бархатную глубину острого глаза.

Скользкий шелк водой пролился на пол. Застежка бюстгальтера сдалась с тихим щелчком. Он провел ладонями по ее груди. От первого же прикосновения Ада вздрогнула всем телом. Его руки царапали, а не ласкали. Словно на ладонях у него были рубцы едва затянувшихся ран. Ада стояла обнаженная в полной темноте, и ей казалось, что любовник с коварством ночного хищника наблюдает за ней.

Ашер сразу обратил на нее внимание. Прямая спина, но углы плеч сдвинуты вперед, будто она сомневается в своей осанке. Узкие запястья с крупными кистями рук, длинные пальцы. Такие руки хочется целовать. Он подошел, чтобы их познакомили.

Запах духов — густой, чувственный — обволок, стоило Ашеру чуть приблизиться. Он узнал аромат и мысленно поморщился — современный «Шалимар» отдавал химией искусственных ингредиентов. В то время как винтажную версию этого аромата — настоящее произведение искусства — теперь продают как драгоценность. То, что нынче

стоит на прилавках в упрощенных, сглаженных флаконах-фонтанах с надписью «Шалимар»,— возмутительная, пошлая сладость, дешевая страсть на копеечных простынях. Он задержал ее пальцы в своих и среди резких ванильных волн парфюма уловил тонкий, едва различимый аромат лотоса — природный аромат ее кожи, и лишь тогда коснулся губами ее руки.

Что в ней по-настоящему было прекрасно, так это волосы. Редкий оттенок. Не славянский пшеничный, не серо-льняной, не пепельный, не светло-русый, не пугающе белый, будто голову окунули в таз с отбеливателем, а природный платиновый. Издалека казалось, что самая настоящая, сияющая платина стекает на плечи.

И сейчас, в спальне, он делал то, о чем мечтал весь вечер,— обеими руками разглаживал ее волосы, запускал в них пальцы, как гребни, протягивая через них пряди до самых кончиков, захватывал их, наматывал на запястья, словно шелковистое полотно. Ада терпела, хоть и ожидала несколько иной прелюдии.

В запахе жареного миндаля и виски, который исходил от Ашера, ей чудилось что-то близкое, почти родное. Но как бы она ни хотела этого мужчину, ее тело все-таки бунтовало, застывало в ожидании боли, покрываясь ледяной коркой. Больно было всегда, но она знала: еще минута, ну две — и боль прекратится, и вот уже казалось, что где-то там, по другую сторону занавеса, ее ждет райский медовый плод, нужно лишь до него дотянуться.

И вдруг грубо, за волосы, ее голову потянули вниз. Простыни, жесткие от крахмала, зашуршали, как сломанные крылья. В тишине она слышала лишь его дыхание, шорох одежды и тонкий стук металла о поверхность, очевидно, тумбочки у изголовья кровати.

С него будто сняли ошейник, он перестал быть человеком. Его руки терзали и разрывали ее, как когти дикого зверя. От боли, от страха она задыхалась и не могла ни протестовать, ни кричать.

Это было так похоже на зимний день, когда за окнами мело белым-бело, снег хрустел под ногами, как квашеная капуста на зубах.

Груша лампочки под низким потолком. Запах плесени и теплой гнили. Пара ободранных кресел и неродной им диван с выпяченной пружиной.

От труб теплотрассы несло жаром.

Надеялись, что она согласится по-хорошему. Детдомовская девочка... Что ей терять?

— Держи ей руки! Руки держи! Царапается, черт!

— Ноги, ноги придави!

Их было четверо, а она — одна...

...Ашер ушел, смахнув с тумбочки в ладонь то, что, по всей видимости, делало его сдержанным и рассудительным большую часть времени. Ада осталась в спальне одна. Хотела тут же уйти, но болело все тело. Измученная, она обещала себе вот-вот встать, одеться, но так и уснула.

В утреннем полумраке Ада рассмотрела, что от запястий к плечам разбегаются синяки. Суставы ломило нещадно. Ладно хоть руки, ноги целы, голова на месте. Но где же эта голова была вчера? Медленно поднялась, потащила ноющее тело в ванную. К лицу он не прикасался, здесь все было в порядке, только губы вспухли от того, что она кусала их, чтобы не раскричаться, да тушь с ресниц осыпалась, вьелась в щеки россыпью черных точек. Она терла и терла мыльной пеной лицо, безуспешно пытаясь отскрести засохшую краску.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка — белое лицо, спутанные волосы. Она шептала дрожащими губами:

— Это было как тогда, в подвале. Помнишь? — Ада не хотела вспоминать.

— И тебе не позволю, не позволю, не позволю,— проговаривала она твердо, заставляя губы не дрожать.— Ты знаешь, что это означает? Не правда ли, ты знаешь, что это означает?

— Нет, нет,— шептала незнакомка.— Пожалуйста, не надо, не делай этого...

— Но ты боишься, а значит, есть только один способ победить страх — повернуться к нему лицом. Если ты не сделаешь этого, страх останется с тобой навсегда. Страх разрушает. А я не дам ему себя разрушить. И ты не будешь бояться Ашера и мужчин, подобных ему.

Но незнакомка скулила, как побитая собака. И так опротивела Аде, что та мазнула мыльной рукой по зеркалу, чтобы не видеть жалкую ноющую тварь.

В спальне подобрала с пола вчерашнее платье — и только тогда обнаружила на тумбочке конверт с деньгами.

— Ты ошибся.— Она положила конверт перед Ашером на стол.

Он почти и не сомневался сейчас, что вышла ошибка. Иногда так бывает: сходятся несколько признаков, создается иллюзия. Но наступает утро, призраки рассеиваются — и видишь все в реальном свете...

Ашер, как ни в чем не бывало, завтракал в бесконечной каменно-хромированной столовой с металлическими шарами-лампами, спускающимися с потолка. Белизна его рубашки резала глаза, но Ада не отворачивалась, смотрела прямо, как на дуэли.

— Возьми.— Чашка звякнула о блюде.— Я всегда плачу женщинам.

«Бежать, бежать, не оглядываясь... Нет, ты уйдешь лишь тогда, когда исчезнет твой страх, лишь тогда ты будешь свободна».

Она в раздумье стояла у стола. Ее больше ничто не держало в этой квартире. Она не хотела здесь оставаться. Стол. Она провела по нему пальцем, проверяя, не сон ли это. Круглый, стеклянный. Толстое стекло с небрежно обрезанным зеленоватым краем. Узор из трещин делает его почти непрозрачным. Не сон...

Не отпуская своих мыслей, она отодвинула стул и под села к Ашеру. От неожиданности он перестал жевать. Его пристальный взгляд, казалось, мог обрушить стены. Но Ада это не волновало. Она пыталась вспомнить, где уже так было однажды, что ей приходилось становиться из невидимки человеком. Большой палец правой руки потянулся через ладонь к безымянному, и она потеряла фалангу там, где женщины носят обручальное кольцо, бессознательным, машинальным жестом.

Ада почти была уверена, что когда-то уже сидела с Ашером за одним столом — если не в этой, то в прошлой жизни.

— Кофе? — осторожно предложил он, понимая, что мыслями она где-то далеко.

Ада рассеянно кивнула.

Кофе на пересохших губах... Первый глоток — расплавленное черное золото — желанное, дорогое, но совершенно не пригодное для надсаженного от безмолвного крика горла. Она едва не поперхнулась.

— Ашер — это что-то голландское, вроде как огранка бриллианта? — спросила она, чтобы не молчать.

Вчера, когда она говорила громко и весело, была похожа на насмешливую птицу, сейчас — растерянная, задумчивая — она нравилась ему больше. Уголок ее рта опустился,

а над левой бровью прорезалась короткая поперечная морщинка.

— Нет,— ответил он, пожалуй, громче, чем следовало.— «Ашер» в переводе с древнееврейского — «удачливый», «благословенный». Так звали восьмого сына патриарха Иакова в Ветхом Завете. По преданию, Ашер правил огромным царством, половиной мира, половиной — в представлении древних евреев, конечно.

— А мое имя что-нибудь значит? — спросила она и подняла голову от черной бездны, которую простые смертные чаще всего принимают за кофе.

Радужка ее глаз была едва тронута цветом, чтобы не испугать, не сойти за слепую: обычно Ада носила контактные линзы, васильковые или голубые.

— Ада — «украшение». Второе женское имя, упомянутое в Библии.

— Это хорошо?

— Неплохо.

Она поежилась под его пристальным взглядом. Теперь он смотрел так, будто хотел открыть в ней некий закон, объяснить все ее слова и действия чем-то, неизвестным ей самой.

— Который час?

— Утро,— ответил Ашер, не переставая пристально смотреть на нее. Он не носил часов.

Ашер наблюдал за ее лицом, по которому, как тени, пробежали то страх, то замешательство, то неуверенность. Она боится, она расстроена, она никак не может на что-то решиться... Пора заканчивать этот театр теней:

— У меня скоро самолет.

Радость взметнулась сигнальной ракетой: «Он тебя выставляет, все решилось, уходи, уходи!.. Нет, ты должна

спросить, ты должна, ты должна,— убеждала она себя.— Спроси! Спроси сейчас же! — приказывала собственному „я“. — У тебя только один шанс. Если ты его упустишь, больше не сможешь быть сильной, не сможешь идти вверх, повиснешь, как безвольная тряпка».

Ашер давно не видел, чтобы люди смотрели так отчаянно, задавив на мгновение ужас перед зыбкостью человеческого существования:

— Можно мне с тобой?

Страх — он ведь тот еще трус: если идешь на него войной, он отступает.

Ашер потянулся через стол, коснулся ее руки, и она закусила губу, чтобы не расплакаться от обиды. Пальцы-предатели дрожали, тело еще помнило о пережитой боли. Ашер приподнял ее руку — на бледной коже припухшие синяки выглядели как черные кометы.

— Тебя не пугает?

— А тебя? — переспросила она с вызовом.

Он смотрел на ее руку, будто пересчитывал синяки, оставленные его пальцами, и наконец вывел нужную формулу:

— Мне нужен твой паспорт.

* * *

Теплыми осенними вечерами Выборг действительно становился похож на средневековый город. Позолоченный солнечный свет старил кладку стен, а театральные наряды продавцов сувениров и затейников игрищ во дворе замка перекраивал на домотканые и самодельные кожаные. Менялись и лица прохожих — замазанные светотенью, становились более суровыми. Ветер крепчал, рвал на башнях флаги, скручивая из них веревки.

Ада убежала под стены замка и, как слепая, ощупывала камни, отыскивая знакомые лица. Она прижималась к камням спиной и чувствовала их поддержку. В такие дни ей казалось, что внутри нее еще кто-то есть, живой и теплый. Опустившись на траву, уже тронутую желтизной, она ощущала себя сказочной принцессой в заколдованном городе.

В детстве ей никто не читал на ночь сказок. Иногда днем, в игровой, воспитательница снисходила к малышам и брала в руки книгу Андерсена или братьев Гримм, но слова сеялись как бисер, и смысл историй терялся в рыжих волосах куклы, которую нужно было успеть расчесать, пока игрушку не отобрал тот, кто сильнее, тот, у кого на куклу больше прав. Но прекрасные принцессы, колдуны, колдуньи, принцы, лишённые наследства, все равно проникали в ее сердце — через кожу в кровь, странствуя по сосудам и капиллярам. Хотя маленькая Ада знала, что сказки не становятся явью. Их придумывают, чтобы не так страшно было жить на свете.

В школе-интернате, где она воспитывалась, все мечтали о том, как вырастут и станут космонавтами, телеведущими, певицами и просто счастливыми людьми. В интернате для детей постарше уже никто ни о чем таком не мечтал, знали, что их потолок — ПТУ, если в психушку не запрут на всю жизнь. А запретить могли за пустяк: за грубость воспитателю, за курение в спальне после отбоя, за торопливый и неумелый оральный секс на лестнице, ведущей в подвал.

В дошкольном детском доме можно было пофантазировать если не о своем распрекрасном будущем, то о родителях. В интернате же с этими выдумками пришлось расстаться. Когда становишься старше, вдруг понимаешь, что тебя не забыли на скамейке в парке, не выкрали злобные и страшные бандиты (пираты, гангстеры, пришельцы — нуж-

ное подчеркнуть), ты не наследница мультимиллиардера, которую злобная тетка отослала с глаз долой, чтобы самой наслаждаться наследством и особняком на тысячу комнат, ты не принцесса из сказки, не волшебница, которой стоит только закрыть глаза и сильно-сильно захотеть оказаться в другом месте, подальше от рвотно-зеленых стен и мерзких воспиталок в белых халатах, и желание сбудется. Ты понимаешь, что родители тех, кто живет рядом, те еще сволочи, отбросы общества: алкоголики и проститутки, бессердечные и бездумные, как кукушки. Или еще хуже — люди, пожелавшие остаться неизвестными.

Ада до последнего не верила, что ребенок может остаться один-одиношенок. Есть ведь где-то мама и папа... Ладно, допустим, папа известен не всегда. Мужчины — летучее племя. Воины, дебоширы, странники.. Но мама?! Она ведь носила тебя в глубине своего тела. Она поддерживала в тебе жизнь. В конце концов, она произвела тебя на свет! Разве после этого она сможет навсегда расстаться с ребенком? Злой рок... Злые люди... Маму Ада оправдывала до последнего. Ей пообещали, что в шестнадцать лет она узнает кое-что о матери, и девушка гадала, что же ей откроется — имя, адрес, род занятий...

— Любка-то? — переспросила раздутая синюшная женщина, сидевшая под окнами по тому самому адресу, что значился в роддомовских документах и тайно кочевал из интерната в интернат в личном деле Ады Борониной.— Давно сдохла, шалава. С хахелем очередным что-то не поделила — он ее и пришиб.

На кладбище, через край наполненным памятниками и крестами, рос один единственно важный деревянный крест. Ада стояла возле него и не понимала, нужно ли ей плакать. Так и стояла, без особых эмоций уткнувшись взглядом в